

Чжоу Фэн уже долгое время сидел в одной позе. На его благородном лице лежала тень, в груди поднимались волны, которые невозможно было унять. Раздраженно потирая переносицу, он задумался: что с ним происходит? Даже когда он тщательно планировал расследование против князя Юй, обвиняемого в продаже должностей и хищении казны, он не чувствовал такого сомнения и тревоги. Внутренне он усмехнулся: неужели этот Гу Шаобай сможет повлиять на его решение? Конечно, нет.

Шторку раздвинули, и сзади раздался голос Пиньшу:

— Молодой господин, господин Гу прибыл.

Повернувшись, Чжоу Фэн мгновенно сбросил мрачность, и на его лице появилась теплая улыбка.

— Бай, ты наконец пришел! Я уже начал волноваться, что ты не придешь.

Гу Шаобай мягко улыбнулся.

— По пути задержался на делах. Раз я обещал, то не стал бы отказываться, тем более сегодня твой день рождения.

Чжоу Фэн взял его за руку и усадил за стол. Несмотря на то что комната была небольшой, она отличалась чистотой и изысканным убранством. У перил стоял круглый стол из сандалового дерева, на котором были расставлены четыре блюда и длинный нефритовый кувшин. Блюда, сочетавшие мясо и овощи, выглядели не только красиво, но и аппетитно.

На сцене внизу уже началось представление. Шаобай внимательно прислушался к словам актеров:

«Ты, словно цветок, прекрасна, а годы текут, как вода... Чиновник, любящий цветы, сожалеет о весне, проверяя работы года... Красный дождь омывает гостя, печалю его сердце, а облака в небу зовут мечты».

Пиньшу наполнил их бокалы вином. Чжоу Фэн подал ему знак:

— Пиньшу, ступай. Займись тем, что я тебе поручил.

Пиньшу глубоко взглянул на Шаобая, но тот, увлеченный нежной и трогательной историей на сцене, не заметил этого многозначительного взгляда.

Со стороны Чжоу Фэна Шаобай выглядел особенно привлекательно: его профиль, словно выточенный из нефрита, светился, а глаза блестели, как звезды. Подперев щеку рукой, он слегка наклонился вперед, обнажая белую, как яшма, шею и изящную линию позвоночника. В своем тонком зеленом халате он сидел, словно стройный бамбук, нежный и изящный.

— Прекрасное представление, — произнес Шаобай с восхищением. — Мелодия такая красивая, такая мягкая и глубокая!

Чжоу Фэн засмеялся.

— Рад, что тебе понравилось. Я боялся, что тебе не по вкусу.

Он протянул Шаобаю палочки для еды.

— О чем они поют?

Шаобай посмотрел на него, все еще погруженный в атмосферу спектакля.

— Просто трогательная история любви, — ответил он с легкой грустью в голосе. — В этом мире слишком много историй о неразделенной любви. Многие вещи не зависят только от наших желаний.

В этот день Чжоу Фэн выглядел иначе, чем обычно. На нем было три слоя роскошных шелковых одежд, украшенных серебряными узорами в виде облаков и молний. Его широкие рукава и свободный покрой придавали ему аристократический и внушительный вид.

Шаобай, восхищаясь, с улыбкой поднял бокал:

— Сегодня ты выглядишь особенно великолепно, А-фэн. Желаю тебе долголетия, как у Южных гор, и счастья, безбрежного, как Восточное море!

Чжоу Фэн не принял его слов, держа бокал, но не пригубив его. В уголке его глаз мелькнула насмешка:

— Ты говоришь такие формальные поздравления, явно пытаешься меня обмануть. Нет, скажи что-нибудь другое.

Гу Шаобай опустил голову, долго думал, а затем поднял взгляд, в котором отразились скрытые волны эмоций.

— А-фэн, жизнь непредсказуема. Хотя я не знаю твоего происхождения, судя по твоим манерам, ты, должно быть, из знатной семьи... Я нахожусь с тобой, потому что люблю тебя. Я не буду требовать от тебя ничего, и ты не должен чувствовать себя виноватым. Я буду с тобой, сколько смогу, пока ты не женишься, не заведешь детей или не устанешь от этой связи.

Он глубоко вдохнул, подавляя подступающие слезы.

— Я желаю тебе найти того, с кем сможешь прожить всю жизнь. И где бы я ни был, я буду смотреть на тебя с улыбкой...

Голос Шаобая прервался, и он, не в силах продолжать, одним глотком опустошил бокал, проглатывая вместе с вином горячие слезы. Поставив бокал, он улыбнулся, и только слегка покрасневшие глаза выдавали его печаль.

Чжоу Фэн молча смотрел на него, а затем резко выпил свой бокал. На сцене в это время пели:

«Неразрывная связь, запутанная, без причины... Увы, моя красота, как цветок, но судьба, как лист...».

...

Шаобай, имея слабую голову к алкоголю и будучи подавленным, после нескольких бокалов уже едва мог сидеть ровно. Чжоу Фэн, поддерживая его, поднялся на третий этаж, в самую дальнюю комнату, которую он забронировал заранее для этого дня.

Этот номер в «Башне Чистой Луны» был предназначен только для знатных и высокопоставленных гостей, и его интерьер говорил сам за себя. Комната была просторной и светлой, в центре стоял набор стульев и столов из золотого наньму, а внутренняя часть была

отделана ширмой с вышивкой из Шу. Войдя внутрь, слева можно было увидеть письменный стол из хуанхуали, а справа — кушетку из сяньфэй. В самом конце комнаты, у стены, стояла большая кровать из сандалового дерева с изысканной резьбой, покрытая слоями тонкого красного шелка, словно дым или сон.

Чжоу Фэн, полулежа Шаобая, подвел его к кровати. Щеки Шаобая пылали румянцем, а глаза были влажными и мутными, он был на грани потери сознания. Когда Чжоу Фэн снимал с него обувь и носки, Шаобай почти упал на кровать, его дыхание было тяжелым от алкоголя. Накрыв его мягким белым одеялом, Чжоу Фэн наблюдал, как его глаза то открывались, то закрывались, пока, наконец, он не погрузился в глубокий сон. Чжоу Фэн отступил на два шага, задумчиво глядя на фигуру, укутанную в одеяло.

На фарфорово-белом лице Шаобая лежали легкие румянец, а длинные черные ресницы, словно крылья бабочки, аккуратно лежали на веках. Его брови слегка сдвинулись, будто что-то беспокоило его даже во сне.

Вдруг за дверью раздался легкий стук, и Чжоу Фэн очнулся.

— Молодой господин, банкет в ресторане Дэжуй ждет вашего начала, — Пиньшу, не подавая виду, бросил взгляд на комнату и тихо сказал.

— Оставайся здесь и присматривай за ним, пока я не вернусь, — Чжоу Фэн поправил одежду, долго смотрел на Шаобая и, наконец, решительно спустился вниз.

В тихой комнате на стене висел свиток с двумя строками стихов, написанных каллиграфическим почерком:

«Глубоко сознавая, что чувства вечны, с печалью смотрю на реку, слыша ее звуки».

Под свитком стоял длинный стол из сандалового дерева, на котором дымился изящный курильница в форме трехногого зверя. Аромат благовония «Лилия Линлин», сделанного из сандалового дерева и других ценных ингредиентов, медленно распространялся по комнате.

На других стенах висели картины и каллиграфические работы, вероятно, созданные известными мастерами. Но больше всего внимание привлекала цитра, стоящая на столе в центре комнаты.

Он сел перед цитрой, внимательно рассматривая ее. Инструмент был сделан из павлонии, с основанием из ели, покрытый фиолетовым лаком. На нем были выгравированы пять иероглифов: «Линь Жань Си Тайгу». Он коснулся струн, и из цитры полилась мелодия «Чанцин». Звук был теплым и чистым, словно снежинки, танцующие в воздухе, затем превращались в ветер, шелестящий в лесу, и, наконец, в теплое солнце, растапливающее снег. Мелодия медленно угасала, растворяясь в воздухе.

— Bravo, bravo! — раздались аплодисменты, нарушившие тишину комнаты.

Чжоу Фэн резко поднял голову и увидел у двери молодого человека в роскошной одежде, стоящего в лучах весеннего солнца.

— Прекрасная мелодия! Прекрасный человек!

В этот момент Шаобай вспомнил стихотворение:

«На лугу трава густая, роса блестит. Там красавица одна, ясна и светла. Встреча случайная — желание моё. На лугу трава густая, роса обильна. Там красавица одна, нежна и ясна. Встреча случайная — и мы вместе навсегда».

Так вот что значит любовь с первого взгляда. Оказывается, встреча — это не просто мимолетное пересечение.

<http://bllate.org/book/16730/1538416>